

На правах рукописи

Ли Вэньлу

**НОРМАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Михайлова Ольга Алексеевна

Официальные оппоненты: **Шулежкова Светлана Григорьевна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский
государственный технический университет
имени Г. И. Носова», профессор кафедры
русского языка, общего языкознания и
массовой коммуникации

Зуева Татьяна Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»
(г. Екатеринбург), доцент кафедры общего
языкознания и русского языка

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Защита состоится 08 июня 2018 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=277965>

Автореферат разослан “ ” апреля 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Коммуникация является основой существования общества. Люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир. В рамках отдельной национальной культуры выделяется коммуникативная культура, которая определяет коммуникативное поведение нации – нормы и традиции общения. У каждого народа существует собственная коммуникативная программа, которая несет в себе своеобразный «культурный код» – национальные культурные ценности, принципы, стереотипы общения в данной лингвокультурной среде.

Нормативная составляющая коммуникативного поведения любого этноса складывалась в течение веков, закрепляясь в виде неписаных норм во фразеологическом фонде языка. В русском языке выделяется семантическое поле с интегральным признаком «коммуникативное поведение», представленное идиомами и поговорками, которые выступают в качестве знака языка и культуры, так как сохраняют в своем содержании следы национальной традиции и представляют собой один из самых важных источников знания о ценностях народа.

Актуальность избранной темы заключается в исследовании фразеологии как особого кода культуры, в обращении к нормам коммуникативного поведения, которые являются важнейшим элементом культуры, в выявлении универсального и национально специфического в коммуникативном поведении русских. Такой подход определяется необходимостью расширения лингвистических исследований в русле лингвокультурологической парадигмы.

Степень разработанности проблемы. Изучение коммуникативного поведения находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей, начиная со второй половины XX в. В рамках исследуемой проблемы можно выделить несколько тематических полей, являющихся объектом теоретического осмысления.

Во-первых, труды отечественных и зарубежных специалистов, представляющих различные направления коммуникативной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Бахарева, М. М. Бахтин, И. Н. Борисова, Т. ван Дейк, Е. М. Верещагин, Т. Г. Винокур, Б. Н. Головин, Г. Грайс, В. В. Дементьев, В. И. Жельвис, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров, Р. Лакофф, Н. А. Лемякина, А. Н. Леонтьев, Дж. Лич, М. Л. Макаров, Дж. Л. Остин, Г. Г. Почепцов, Ю. Е. Прохоров, Э. Сепир, Дж. Серль, И. А. Стернин, Н. И. Формановская, Ю. Хабермас, Л. П. Якубинский, 顾曰国 (Гу Юэго), 赵冬升 (Чжао Дуншэн) и др.).

Второе важное для нашей работы теоретическое поле связано с исследованиями по общим вопросам фразеологии (Н. Н. Амосова,

В. Л. Архангельский, А. М. Бабкин, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. П. Жуков, Е. А. Иванникова, А. В. Кунин, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Телия, И. С. Торопцев, А. И. Федоров, Н. М. Шанский и др.); а также с исследованиями фразеологизмов и паремий в лингвокультурологическом аспекте (Б. М. Ажнюк, Р. Р. Аллаярова, Т. И. Бочина, Е. М. Верещагин, М. Л. Ковшова, Н. О. Козина, Н. В. Курбатова, Т. Г. Рацен, Л. Б. Савенкова, Н. Н. Семененко, В. Н. Телия, Ф. Ф. Фархутдинова, С. Г. Шулежкова и др.). Паремии как источник народных представлений о той или иной стороне действительности неоднократно были объектом описания¹.

Третье проблемное поле – исследования, посвященные правилам речевого поведения человека в разных лингвокультурах, на материале фразеологических источников (Бай Юй, Л. В. Балашова, М. С. Куготова, Р. А. Латыпова, М. А. Маякина, В. В. Пикалова, Ю. В. Рождественский, А. Н. Сперанская, Л. В. Христолюбова и др.).

Однако в настоящее время наименее изученной является проблема коммуникативного поведения, обусловленная традициями национальной культуры. Не описана специфика нормативной составляющей вербального и невербального коммуникативного поведения в идиомах и паремиях различных этносов.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе фразеологизмов русского языка, вербализующих коммуникативное поведение, в описании целостной системы норм русского коммуникативного поведения, отраженных во фразеологии (на фоне китайских соответствий). Новым является аспектный подход к исследованию материала: выявлены культурно-речевой, нравственно-прагматический и речедеятельностный аспекты нормативной составляющей коммуникативного поведения, отраженные во фразеологии. Расширен объем материала: для анализа были привлечены идиомы и паремии.

Объектом исследования являются русские фразеологические единицы (ФЕ), характеризующие коммуникативное поведение. В отечественной лингвистике не существует единого толкования фразеологизма. В частности, принципиально различаются широкое и узкое понимание фразеологии, определяющее разный объем фразеологического множества. Мы принимаем широкое толкование фразеологии² и включаем во фразеологическую систему

¹ См. обзор в: Сперанская А. Н. Правила речевого поведения в русских паремиях : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Сперанская ; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1999. – 211 с.; Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Т. Г. Бочина ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 50 с.

² Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

все устойчивые единицы – идиомы, фразеологизмы разных типов, паремии (пословицы и поговорки).

Предмет исследования – языковые средства, репрезентирующие в русской фразеологии нормы коммуникативного поведения.

Цель диссертационной работы состоит в выявлении и комплексном описании нормативной составляющей коммуникативного поведения, закреплённой языковой традицией в русской лингвокультуре.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) Провести выборку фразеологических единиц, характеризующих коммуникативное поведение, из фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок русского языка и других лексикографических справочников.

2) Разработать процедуру лингвокультурологического описания содержания фразеологизмов.

3) Систематизировать корпус фразеологических единиц и классифицировать все описываемые ими коммуникативные ситуации.

4) Выявить и описать представленные в русской фразеологии правила коммуникативного поведения с учетом культурно-речевого, нравственно-прагматического и речедетальностного аспектов.

Для реализации поставленных задач в диссертации использовались следующие **методы**: классификационный, описательный, сопоставительный методы; метод компонентного анализа и методика лингвокультурологического анализа.

Материал был получен методом сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок русского языка и других лексикографических справочников. В их числе: «Большой фразеологический словарь русского языка» (Телия 2009); «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (Бирих, Мокиенко, Степанова 1997); «Учебный фразеологический словарь русского языка» (Быстрова, Окунёва, Шанский 1984); «Фразеологический словарь русского литературного языка» (Федоров 2008); «Фразеологический словарь русского языка» (Молотков 1987); «Фразеологический словарь русского языка» (Тихонов, Ломов, Ломова 2003); «Фразеологический словарь современного русского языка» (Ларионова 2014); «Школьный фразеологический словарь русского языка» (Жуков 1980); «Большой словарь русских поговорок» (Мокиенко, Никитина 2007); «Большой словарь русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010); «Пословицы русского народа» (Даль 1984); «Словарь русских пословиц и поговорок» (Жуков 2003); «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и мелких выражений: более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорков, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок» (Зимин 2012); «20000 русских пословиц и поговорок» (Михайлова 2009); «Большой китайский фразеологический словарь» (王涛 Ван Тао 2007); «Фразеологический словарь китайского языка»

(李一华 Ли Ихуа, 吕德申 Люй Дэшэнь 1985); «Большой словарь китайских пословиц» (温端政 Уэнь Дуаньчэнь 2011); «Словарь китайских пословиц» (周津琦 Чжоу Цзинци 2006) и др.

Общее количество проанализированных фразеологических единиц – более 1700.

Для повышения точности и доказательности исследования привлечены лексикографические источники (толковые и этимологические словари). Паремнологический материал в некоторых случаях сопровождается фразовым материалом, извлеченным из произведений художественной литературы.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты вносят вклад в разработку научных теорий коммуникативистики и фразеологии. Наблюдения и выводы позволяют углубить существующие представления о традиционных нормах русского коммуникативного поведения; уточнить национальные особенности вербального и невербального коммуникативного поведения, зафиксированные в русской фразеологии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться в лексикографии для обновления и дополнения толкований фразеологических единиц. Полученные данные могут быть полезны при составлении лингвострановедческих словарей. Кроме того, они могут быть использованы в преподавании вузовских курсов и спецкурсов по лексикологии, фразеологии, теории коммуникации и лингвокультурологии. Результаты могут применяться также на практических занятиях по русскому языку как иностранному.

Степень достоверности результатов определяется большим количеством проанализированного материала; методикой анализа, адекватной целям, задачам и рассматриваемому объекту. Научные положения, выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены убедительными данными. Обеспечиваются привлечением достаточного количества научных источников различного характера (среди них – научные работы по коммуникативистике, фразеологии, лингвокультурологии).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Во фразеологической системе русского языка выделяется группа фразеологических единиц с общим значением *коммуникативное поведение личности*. Зафиксированная во фразеологических единицах нормативная составляющая и отмеченные в них отступления от нормы в процессе общения позволяют выявить традиционные нормы русской коммуникации.

2. Фразеологизмы содержат систему правил, определяющих культурно-речевой, нравственно-прагматический и речедеятельностный аспекты коммуникативного поведения.

3. Нормативные требования к самому процессу общения и качествам хорошей речи в русском наивном сознании совпадают с риторическими “классическими” требованиями правильности, точности и ясности, логичности, выразительности, уместности, чистоты, содержательности, краткости.

4. Во фразеологических единицах зафиксированы традиционные установки русской коммуникативной культуры, связанные с этическими ценностями. Нравственные ценности реализуются в максимах правдивости, искренности, скромности, доброжелательности, уважительности – универсальных этических нормах для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

5. В речедейательностном аспекте максимы для говорящего и слушающего специализированы. Во фразеологических единицах зафиксированы следующие конкретные максимы, предписывающие необходимое коммуникативное поведение говорящего: максима количества, максима ответственности, максима гармонизации общения. Коммуникативное поведение слушающего регулируется максимой очередности, максимой слушания, максимой адекватной оценки собеседника и его высказывания.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, 4-х глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и справочников. Работа включает 2 Приложения. Общий объем работы – 199 страниц (без учета Приложений).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» (Москва, 2016, 2017 гг.); на Международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» (Екатеринбург, 2016, 2017 гг.); на XVI Международной научно-практической конференции «Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории» (Санкт-Петербург, 2017 г.); на XIV Студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (Москва, 2017 г.); на VI Международной научно-практической интернет-конференции «Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы» (Екатеринбург, 2017 г.); на I-й Международной заочной научно-практической конференции молодых ученых «Язык. Коммуникация. Культура» (Москва, 2017 г.); на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Культура, образование, воспитание в контексте федеральных государственных образовательных стандартов» (Екатеринбург, 2016 г.); на Международной научно-практической интернет-конференции «Русский язык: человек, культура, коммуникация – V» (Екатеринбург, 2016 г.). По теме исследования опубликовано 15 работ, из них 3 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обоснована актуальность и научная новизна выбранной темы, оценивается степень ее разработанности, формулируются цель и задачи, дается характеристика теоретической базы исследования, определена теоретическая и практическая значимость работы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Теоретические основы исследования» состоит из двух параграфов. В параграфе **1.1 «Коммуникативное поведение и аспекты его изучения в современной лингвистике»** определяется понятие *коммуникативное поведение*, которое является одним из центральных понятий коммуникативистики. Под коммуникативным поведением мы понимаем набор действий говорящей личности, в основе которых лежит система ценностей, норм, правил и запретов, принятых в данном обществе. Особенности коммуникативного поведения человека обусловлены определенными мотивами и реализуются как на вербальном, так и на невербальном уровне.

Коммуникативное поведение, будучи сложным и многогранным понятием, изучается в разных аспектах. С позиций прагматического подхода исследуется нормативный и воздействующий потенциал коммуникативного поведения. Коммуникативное поведение участников регламентируется предписаниями, и для успешного общения партнеры должны обладать знаниями о коммуникативных нормах, применение которых зависит от характера ситуации и выступает как важное средство регуляции взаимодействия коммуникантов. Нормативное коммуникативное поведение также предполагает использование коммуникативных стратегий и тактик, позволяющих реализовать коммуникативную интенцию и направленных на поддержание успешности коммуникации. Лингвокультурологический подход сосредоточивает внимание на национально-культурных особенностях коммуникативного поведения. Нормы и правила коммуникативного поведения в каждом этнокультурном сообществе формировались в течение долгого времени с опорой на национальные традиции. Специфика коммуникаций представителей разных этносов отражает не только обыденные представления, но и существующие в обществе социальные нормы, в основе которых лежат этностереотипы, в том числе и гендерные, которые находятся в фокусе исследований гендерного подхода. Гендерный стереотип отражает представление о понятиях мужественность и женственность и вследствие этого задает норму, правило, образец одобряемого и допустимого поведения мужчины и женщины.

В параграфе **1.2 «Фразеологизм как источник знаний о национальной культуре»** раскрываются теоретические проблемы фразеологии, описывается методика лингвокультурологического комментария фразеологизмов. Социальные нормы и стереотипы отражены в устойчивых выражениях – идиомах и поговорках, т. е. в тех единицах языка, в которых отражается

накопленная мудрость и культурный опыт народа. Фразеологические единицы со значением «коммуникативное поведение» подсказывают, как вести себя в той или иной ситуации и как не следует поступать. Изучение фразеологии в лингвокультурологическом аспекте связано с общей проблемой взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры. Интерпретация ФЕ через соотношение составляющих его компонентов с кодами культуры дает возможность декодировать культурные смыслы фразеологизма и описать его культурные коннотации. Лингвокультурологический подход позволяет выявить национальную специфичность образов, лежащих в основе фразеологизмов, механизмы формирования ценностной информации фраземы. В рамках этого подхода можно установить, в частности, особенности коммуникативного поведения разных народов, обусловленные национально-культурными нормами и закрепленные в традициях социума.

Широкое понимание фразеологии и сущностное разнообразие материала потребовали разной методики его анализа. При анализе идиом изучаемой группы мы опираемся на значение (толкование) единиц, на стилистические пометы, на комментарий, включенный в лексикографическое толкование, а при описании паремий выявляем национально-культурную специфику их содержания, соотнося метафорические образы с культурными кодами и привлекая (частично) данные китайского языка.

Русское наивное сознание фокусировало внимание на разных сторонах общения – на речевой стороне коммуникации, на деятельности говорящего и слушающего, на моральных принципах, обуславливающих гармоничное общение. Внутренняя дифференциация нормативной составляющей коммуникативного поведения стала основой аспектного анализа материала, в результате чего по данным фразеологии были реконструированы культурно-речевые, нравственно-прагматические и речедеятельностные правила русского коммуникативного поведения.

ВТОРАЯ ГЛАВА «Культурно-речевой аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении» включает два параграфа, предметом которых в тематическом поле «коммуникативное поведение» являются феномены языка и речи.

В параграфе **2.1 «Фразеологические единицы о функциях языка»** рассматриваются отраженные в русской фразеологии представления о значимости языка как семиотического кода. По нашим материалам, ФЕ характеризуют основные функции языка, направленные на установление взаимодействия между людьми, – коммуникативную и воздействующую функции. Ценность языка как средства общения доказывается в русской фразеологии через способность человека к речевой деятельности. Фразеологизмы утверждают преимущество языка перед невербальным общением (*Языком не расскажешь, так и пальцами не растычешь*). Люди,

затрудняющиеся в словесном выражении своих мыслей и прибегающие к объяснению жестами или движениями, осуждаются (*Умный языком – глупый руками*). В русской фразеологии находит подтверждение национальная особенность русского народа – ценность и большая значимость общения (*Беседа дорогу коротает, а песня – работу*).

Фразеологизмы, подчеркивая воздействующую функцию языка, представляют его в качестве связующего звена между людьми в процессе взаимодействия. Воздействие языка во фразеологии представлено через субстантивные или глагольные метафоры, которые соотносятся с разными кодами культуры. Во-первых, в ФЕ язык рассматривается как кормилец (*Птицу кормом возьмешь, человека словом*). Функция воздействия языка передается глаголом *кормить* – «Содержать, доставлять пропитание» [ТСОШ³: 366], метафорически переосмысленным как обеспечивать необходимыми средствами к жизни). Во-вторых, ФЕ представляют язык в качестве инструмента, с помощью которого говорящий воздействует на мысли, чувства или поведение собеседника (*Слово – ключ, которым открывает сердца*). В-третьих, язык представлен как оружие, способное нанести серьезный ущерб (*Слово не стрела, а разит пуще стрелы*). Воздействующая функция представляется чрезвычайно важной в языковой традиции, о чем свидетельствует большое количество русских фразеологизмов (81 ФЕ), однако она получает амбивалентную оценку: с одной стороны, словом можно вылечить, успокоить, утешить человека; с другой стороны, словом можно обидеть, оскорбить и даже убить (*От слова спасение, от слова и погибель*).

В параграфе **2.2 «Фразеологические единицы о коммуникативных качествах речи»** анализируются культурно-речевые принципы общения, которые в русском наивном сознании совпадают с риторическими требованиями точности и ясности, логичности, выразительности, уместности, чистоты, содержательности, краткости.

Правильность речи во фразеологии представлена как характеристика фонетической / артикуляционной стороны речи, которая, тем не менее, имеет большое значение для коммуникации. Нарушение / искажение внешней стороны речи, по обыденным представлениям, затрудняет коммуникацию, поэтому все ФЕ этой группы обладают отрицательной коннотацией. Например, *Ломать язык* – «Неодобр. Говорить неправильно, искажая слова, звуки» [ФСРЯ-Тихонов⁴: 334]. В ФЕ наблюдается «телесно-инструментальное

³ ТСОШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82000 слов и фразеологических выражений) / РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2011. – 1175 с.

⁴ ФСРЯ-Тихонов – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – Москва : Высш. шк., 2003. – 336 с.

“овеществление”): язык отождествляется по выполняемой им функции с инструментом речепроизводства» [БФСРЯ⁵: 737].

Фразеология, как правило, не разграничивает качества точности и ясности речи, которые оцениваются как одно из ведущих коммуникативных качеств, способствующих успешности коммуникации. Например, *Русским языком говорить (сказать)* что-либо – “Экспресс. Сказать что-либо совершенно ясно, четко, понятно” [ФСРЛЯ⁶: 769]. Говорить родным языком в сознании русского народа есть стандарт точности и ясности речи; *Черным по белому* написано, сказано и т. п. – “Вполне определено, совершенно ясно” [ФСРЯ-Молотков⁷: 245]. Черное и белое как самое контрастное сочетание цветов символизирует крайнюю степень очевидности. Нарушение точности и ясности речи ведёт к непониманию ее адресатом. Неясная, неточная речь передаётся, например, через образ тумана, который скрывает окружающую природу: *Напускать (напустить) туману* – “Неодобр. Говорить многословно и неясно” [БФСРЯ: 454]. В образе фразеологизма *туман* соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры и символизирует неясность мыслей.

Русские фразеологизмы предупреждают, что отсутствие логики в речи коммуниканта может стать причиной недоступности речи для восприятия и понимания адресата. *С пятого на десятое* – “Неодобр. Непоследовательно, беспорядочно, бессвязно, пропуская подробности. С глаг. несов. и сов. вида: рассказывать, сообщать, пересказывать, рассказать, сообщить, пересказать и т. п.” [УФСРЯ⁸: 204]. В основе метафоры лежит ситуация неверного счета (*пять*, а потом сразу *десять*). Языковая традиция требует, чтобы по законам логики речь была вовремя закончена (*Полно мотать, пора узел вязать*. Создание речи метафорически сравнивается с процессами ткачества и плетения, которые заканчиваются готовым изделием).

Высоко оценивается русским наивным сознанием выразительность речи. Умение красиво говорить оценивается как подарок судьбы (*Дар слова* – “Умение, способность говорить свободно и выразительно” [ФСРЛЯ: 170]). Выразительная речь метафорически сравнивается с традиционным видом уникального русского народного искусства – кружевоплетением: *Плести языком*

⁵ БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва : АСТ-ПРЕСС Книга, 2009. – 784 с.

⁶ ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / сост. А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

⁷ ФСРЯ-Молотков – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Рус. яз., 1987. – 543 с.

⁸ УФСРЯ – Учебный фразеологический словарь русского языка : пособие для учащихся нац. школ / Е. А. Быстрова, А. П. Окунёва, Н. М. Шанский. – Ленинград : Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1984. – 271 с.

кружева – “О словоохотливом, красноречивом человеке” [БСРП⁹: 502]. Компонент образа “кружева” интерпретируется в предметном коде культуры. Коммуникативное качество выразительности (как и само умение красноречия) характеризуется в пословицах прилагательным *красный* в значении “красивый”: *Без красного словца ни на шаг; Красную речь хорошо и слушать*. Образ “красный” включён в цветовой код культуры. «В народном обиходе сочетания *красные речи, красные слова* употреблялись и для характеристики чего-то красиво и остроумно сказанного» [БФСРЯ: 179].

Фразеологизмы подсказывают, что коммуникативное поведение должно соответствовать времени и обстоятельствам – в этом проявляется требование уместности. Коммуникативная ситуация предполагает соотнесение высказывания и его места (*Слово к месту говорится; Каждому слову свое место*) и времени (*Умей вовремя сказать, умей и смолчать; Лучшие плакать кстати, чем смеяться не вовремя*). Уместность соотносится и с содержанием сообщения, и с фактором адресата. В паремиях отрицательно оценивается ситуация, когда коммуниканты не слышат друг друга в процессе общения (*Один про пироги, другой – про сапоги; Я говорю про попа, ты про попадю, а он про попову дочку*).

Большое место во фразеологии отводится чистоте речи, которая связывается с этическими нормами. Грубые слова и брань в соответствии с языковой традицией в общении не допускаются, так как брань рассматривается как отклонение от этической нормы (*Не бранись: что исходит из человека, то его и поганит*). Брань как превышение стандарта в речевом общении получает отрицательную коннотацию (*Много бранился, а добра не добился; С брани люди сохнут, с похвальбы толстеют*), однако русские достаточно лояльно относятся к брани и считают ее вполне допустимым выражением какого-либо чувства и приемлемой эмоциональной реакцией человека на ситуацию, поэтому в ФЕ признается ее неизбежность (*Бранить – себя тешить*). По данным китайской фразеологии, грубость и брань оцениваются только отрицательно (*恶语伤人六月寒 – досл. “Брань ранит, как мороз летом”*).

В русской фразеологии утверждается важность информативной речи (*Беседовать не устать, было бы что сказать*) и осуждается бессодержательная речь и пустословие (*Переливать из пустого в порожнее – “Неодобр. Вести пустые бесплодные разговоры, болтать или заниматься делом, которое не может дать никакого результата” [БФСРЯ: 515]. Лексемы *пустое* и *порожнее* (Порожний – “То же, что пустой” [ТСОШ: 700]) выступают как синонимы, которые означают совершенное отсутствие содержимого в какой-*

⁹ БСРП – Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина / под общ. ред. В. М. Мокиенко. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с.

либо емкости. Образ идиомы в целом основан на «метафоре, уподобляющей речь, говорение льющейся воде» [БФСРЯ: 516], но ни в пустой, ни в порожней емкости нет жидкости, так и в пустой речи отсутствует содержание.

Во фразеологии также представлена значимость краткости речи. Например, ФЕ *Аркан ценится длиной, а слово – краткостью* выражает данную мысль через сравнение (Аркан – «Длинная верёвка с затягивающейся петлёй на конце для ловли животных» [ТСОШ: 19]). По данным русской фразеологии, краткость ценна не столько сама по себе, сколько как основание других положительных свойств речи. Краткая речь соответствует содержательности (*Коротко сказано, да много высказано*) и пересекается с выразительностью (*Слова хороши, если они коротки*).

Отношение к названным коммуникативным качествам речи в наивном сознании однозначно положительное, а отступление от них всегда осуждается, за исключением качества чистоты речи. Данные фразеологии позволяют создать портрет хорошей речи, соответствующей, по обыденным представлениям русских, нормам общения. Идеально нормативная речь должна быть организована в соответствии с качествами содержательности (132 ФЕ), краткости (29 ФЕ), выразительности (28 ФЕ), логичности (19 ФЕ), точности и ясности (13 ФЕ). Она должна отвечать целям, условиям и времени общения (45 ФЕ) и быть чёткой и внятной (14 ФЕ). Коммуникант в целом должен избегать грубых высказываний (115 ФЕ), однако нарушение качества чистоты речи прощается языковым коллективом. Наиболее важными нормами культурно-речевого аспекта коммуникативного поведения являются коммуникативные качества «чистоты» и «содержательности», в которых проявляется значимость для русского народа этической нормы и информативности.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «Нравственно-прагматический аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении» дается характеристика этических максим, лежащих в основе коммуникативного поведения участников коммуникации.

В параграфе **3.1 «Коммуникативные позиции адресанта и адресата»** рассматриваются роли участников коммуникации и обосновывается понятие максимы.

Адресант и адресат – центральные компоненты прагматической модели коммуникативного акта, который реализуется во взаимодействии интенций обоих участников. Коммуникативное поведение адресанта и адресата образует интеракцию, поэтому они являются равнозначно активными участниками общения, осуществляют коммуникативную деятельность на основе коллективных представлений о правилах, регулирующих общение. Для описания нормативной составляющей коммуникативного поведения мы принимаем в качестве рабочего термин *максима* (от лат. *propositio maxima* –

высший принцип) и понимаем максиму как прагматическую установку, конвенциональный принцип коммуникативного поведения личности. Максима задает стандартность коммуникативного поведения с учетом его национально-культурной специфики.

В параграфе 3.2 «**Этические максимы коммуникативного поведения адресанта и адресата**» фокус исследовательского внимания переводится на анализ зафиксированных в ФЕ нравственно-прагматических установок. Максимы как этические нормы поведения являются универсальными правилами для обоих коммуникантов (адресанта и адресата).

На коммуникативное поведение личности всегда оказывает влияние его «наивная картина мира», включающая представления о ценностях, которые передаются от поколения к поколению и многие из которых зафиксированы в ФЕ. Проведенный лингвокультурологический анализ русских фразеологических единиц позволил выявить этические максимы коммуникативного поведения, ориентированные на аксиологическую доминанту и выполняющие функцию социально-коммуникативных регулятивов, – правдивость (285 ФЕ), искренность (72 ФЕ), скромность (30 ФЕ), доброжелательность (65 ФЕ), уважительность (42 ФЕ).

Фразеологизмы, характеризующие этическую норму правдивости, чаще выражают оценочное отношение к ней, и отношение русского народа к правде амбивалентное. С одной стороны, правда и ложь несовместимы (*Правда с ложью не дружат; Правда лжи не любит*), с другой стороны, они диалектически связаны (*Не солгать, так и правды не сказать*). Фразеологизмы предписывают жить по правде, но в то же время предостерегают от абсолютной правдивости, так как такое коммуникативное поведение может причинить вред. Опасность безоговорочной правды в русской фразеологии характеризуется через образы предметов, способных нанести увечье, – острого орудия, жалящего насекомого: *Правда глаза колет; Правда как оса: лезет в глаза*. Ложь оценивается чаще отрицательно (*Ложь не красит человека; Что лживо, то и гнило*), однако иногда уместная ложь гораздо лучше правды (*Лучше ложь ко спасению, нежели правда к гибели*).

И, тем не менее, всегда лучше знать правду (даже если она тяжела и неприятна), чем обманываться: *Лучше горькая правда, чем сладкая ложь*, так как ценность правды заключается в единственности и постоянстве: *Лжи много, а правда одна; Ложью как хочешь верти, а правде путь один*.

Однозначно отрицательно оценивается в русском наивном сознании клевета, которая по своему прагматическому потенциалу противопоставляется даже лжи: *Ложь бывает и проста, а клевета – всегда с умыслом*. В русской культуре клевета часто ассоциируется с черным, грязным предметом, таким как «уголь», «сажа»: *Клевета что уголь: не обожжет, так замазает*. Другой образ, через который характеризуется клевета, – это различные виды оружия: *Клевета*

что стрела: человека разит; Злые языки страшнее пистолета. Клеветник характеризуется через зооним змея, которая в русской культуре символизирует хитрость, коварство и зло: *Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь; Клевета как змея подкрадывается.*

В русской фразеологии максима правдивости противопоставлена лжи и клевете как этически ненормативному поведению.

С максимой правдивости тесно связана максима искренности, но искренность шире правды: она концептуально связана с открытостью, откровенностью, душевностью, а коммуникативно – с доброжелательностью, взаимностью. Искренность в русском сознании связывается с откровенностью, которая высоко ценится в русском общении (*Открывать душу* кому, перед кем – “Откровенно рассказывать о своих переживаниях, чувствах, мыслях” [УФСРЯ: 169]). В образе фразеологизма говорение метафорически уподобляется душе как ценностному объекту). Максима искренности в ФЕ обычно утверждается косвенно, через противоположные качества, которые не приветствуются в русском обыденном общении, – лицемерие и лесть (*Речи что мед, а дела что полынь* – образы ФЕ включаются в пищевой код культуры. Образы “мед” и “полынь” выступают самыми контрастными вкусами – сладкий и горький, и символизируют противопоставление сладких речей и лицемерного поведения). ФЕ предупреждают об опасности лести, так как она способна ввести адресата в заблуждение, и льстивым речам нельзя доверять (*Лестное слово что веешний лед.* Здесь использован природный культурный код – образ непрочного весеннего льда). Искренность в русском сознании связана с совестью и идет от сердца, поэтому искреннее коммуникативное поведение обладает безусловной ценностью.

Максима скромности как коммуникативная константа, воплощенная в русском коммуникативном идеале, базируется на одноименном этическом концепте, который является фрагментом русской аксиологической картины. В обыденном сознании скромность отражена как культурная ценность и имплицитная норма русского коммуникативного поведения. По данным паремий, скромность в коммуникативном поведении может проявляться парадоксально. В общении скромный человек должен говорить немного: *Знай больше, а говори меньше;* не должен быть высокомерным: *Не смотри высоко, глаза запорошишь.*

Скромность воспринимается как нейтральный фон, поэтому, вероятно, отсутствуют ФЕ, характеризующие собственно скромность. Замечаются и негативно маркируются отступления от нее. Нескромным и потому осуждаемым во фразеологии считается похвальба. ФЕ с прямыми прескрипциями запрещают себя хвалить: *Не хвали сам себя, есть много лучше тебя; Хвались, да не подавись!* Одобряется самокритика как проявление скромности: *Себя хай, а людей не хай.* Паремии метафорически раскрывают

максиму скромности: *В пустой бочке и звону много; Пустая бочка пуще гремит.* Тот, кто не скромен и говорит слишком много, в ФЕ сравнивается с пустой бочкой, которая звенит громче, чем полная, но ценности в ней меньше. Так и нескромный человек вызывает недоверие, что за излишней его самопрезентацией кроется внутренняя пустота.

Значимость максимы скромности в коммуникации определяется этноспецифическими установками, и в языковом сознании русских скромность представлена как категория ограничения коммуникативных проявлений личности в поведении.

Доброжелательность выступает как важнейшая добродетель и входит в число ядерных признаков современного коммуникативного идеала¹⁰. Русская фразеология утверждает максимум доброжелательности к собеседнику с помощью оценочной лексики. Паремии прямо характеризуют важность доброго слова, сравнивая его с эталонными объектами: *Добрые слова лучше мягкого пирога* (Пирог – лингвоспецифичная единица, типичный пищевой код русской культуры); *Доброе слово человеку что дождь в засуху* (в образе ФЕ соотношение с природно-ландшафтным кодом культуры символизирует значимость доброжелательности: сравнивается радость от доброго слова с той пользой, которую приносит дождь, когда поит землю водой после долгой засухи).

В паремиях используется прием контраста для утверждения максимы доброжелательности: *Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит; Доброе слово лечит, злое убивает; Доброе слово дом построит, злое слово дом разрушит.* Коллективная народная мудрость не отделяет добро от правды, а недоброжелательность связывает с ложью и злом.

Доброжелательность к собеседнику выражается вербально и невербально. Это зафиксировано в ФЕ со значением невербального способа приветствия – *С распростертыми объятиями* кого-л. – “Радушно, очень приветливо” [УФСРЯ: 204]. Доброжелательное речевое поведение способствует гармонизации коммуникации, делает ее результативной.

Максима уважительности утверждает ценностный статус Другого. Значимость максимы уважительности в коммуникативном поведении передается, например, ФЕ *Питать уважение* к кому-л. Метафорически переосмысленный глагол *питать* выражает значение «обеспечивать самыми необходимыми для человеческой жизни средствами» [ТСОШ: 646]. Уважение также связано с русским ключевым концептом *честь*: *Оказывать / оказать честь* кому-либо. Максима уважительности соотносится с категорией вежливости и выражается вербально (*От учтивых (вежливых) слов язык не*

¹⁰ Стернин И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж : Истоки, 2003. – 185 с.

отсохнет) и невербально (*Снимать шляпу* – “Выражать свое почтительное, глубокое уважение в отношении кого-л., чего-л.” [БФСРЯ: 645]; *Поклониться* – *всегда пригодится*).

ФЕ, характеризующие коммуникативное поведение, свидетельствуют об амбивалентном отношении русских к этическим максимам. В частности, в народной культуре не абсолютизируется ценностная установка на правдивость речи, неоднозначно оценивается скромность в поведении. Этические максимы коммуникативного поведения характеризуются относительностью, рекомендательным, а не запретительным характером.

В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ «Речедеятельный аспект коммуникативного поведения во фразеологическом освещении» рассматривается специфика максим, регулирующих коммуникативное поведение говорящего и слушающего. Речедеятельный аспект коммуникативного поведения проявляется в стремлении к гармоничному протеканию акта общения, в удовлетворенности коммуникативных партнеров перлокутивным эффектом (практическим, информационным, психологическим). Во фразеологических единицах зафиксированы конкретные речедеятельные максимы, предписывающие необходимое коммуникативное поведение каждому участнику –говорящему и слушающему, которые в равной степени несут ответственность за развитие и успешное завершение коммуникативного взаимодействия.

В параграфе **4.1 «Максимы коммуникативного поведения говорящего»** представлены ФЕ, предписывающие говорящему ориентироваться в поведении на слушающего, что проявляется в максимам количества (237 ФЕ), ответственности (147 ФЕ), гармонизации общения (195 ФЕ).

Максима количества требует от говорящего контролировать объём своей речи, который следует соотносить с чувством меры. Превышение меры расценивается как болтливость и не одобряется народным сознанием: *Языком что помелом возит*. Образ ФЕ уподобляет язык метле: как помелом, так и языком, человек метет все подряд и собирает весь мусор (бесконечные разговоры) в одном месте; *Брюзжит, как муха в осень*; *Вертит языком, что корова хвостом*. Муха может часами зудеть, корова может непрерывно вилять хвостом. Образам ФЕ уподобляется назойливый болтун.

Во фразеологии приоритет отдается немногословности говорящего, которое связывается с мудростью и трудолюбием (*Говори меньше – умнее будешь*; *Кто мало говорит, тот больше делает*). Молчание как речевая деятельность также предпочтительнее пустой болтовни (*Доброе молчание лучше пустого болтания*). Однако молчание может препятствовать успешному процессу общения, поэтому получает и отрицательную оценку во фразеологии (*Молчанием город не возьмешь*; *Молчать, так и дела не скончат*). В этом

проявляется национальная специфика отношения русских к молчанию в сравнении с китайской фразеологией, где молчание имеет только мелиоративную оценку (*沉默是金* – досл. “Молчание – золото”).

Максима ответственности требует от говорящего защищать интересы слушающего. Данная максима реализуется в конкретных правилах: говорящему следует тщательно отбирать информацию (*Говори подумав, садись осмотревшись*) и выполнять данные обязательства (*Держать своё слово* – “Одобр. Выполнять обещанное”. «В образе фразеологизма дошли до нас представления о том, что в древности слово-обещание было столь же материально, как и письменный договор, скреплённый печатью» [БФСРЯ: 162]). Следует также воздерживаться от высказываний “по секрету” (*Чужой тайны не продавай*) и учитывать “фактор огласки” (*До трех дней трое знали, а после трех – весь мир узнал; Скажешь курице, а она – всей улице*).

Максима гармонизации общения обеспечивает комфортную атмосферу общения и помогает избежать конфликтной ситуации. Данная максима заявлена во фразеологии как запрещение ссоры (*Ссора до добра не доводит; Драчливый петух жирен не бывает*. В ФЕ через образы драчливых, бодливых животных характеризуются люди, готовые при любом удобном случае поспорить), спора (*Красен разговор, да не спор*), драки (*Языком болтай, а рукам воли не давай*). Кроме того, русские ФЕ дают рекомендации, какими приемами и способами говорящий может гармонизировать общение: выражением согласия (*Находить общий язык с кем-либо* – “Одобр. Достичь взаимопонимания, договориться о чем-либо”. В образе *общий язык* символизирует инструмент взаимного понимания чужих друг другу людей» [БФСРЯ: 457]), уместной шуткой (*Умеючи пошутить – людей повеселить*), уместным молчанием (*Молчанье ссоры гасит; Из двух спорщиков умнее тот, кто первый замолчит*).

Слушающий, как и говорящий, должен принимать на себя ответственность за эффективное общение. В параграфе 4.2 «**Максимы коммуникативного поведения слушающего**» описаны ФЕ, предписывающие речедейательностные максимы, регулирующие коммуникативное поведение слушающего: максима очередности (9 ФЕ), максима слушания (54 ФЕ), максима адекватной оценки собеседника и его высказывания (43 ФЕ).

В русской языковой традиции считается грубым перебивать речь собеседника: *Чужих слов не перебивай*. Во фразеологии осуждается ситуация, когда коммуниканты говорят одновременно: *Петь хорошо вместе, а говорить порознь*. В паремиях косвенно представлен запрет на вмешательство в чужую беседу: *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся*.

Максима слушания тесно связана с максимальной очередности. Умение слушать – это не только один из коммуникативных навыков, которым должен обладать каждый собеседник, но и одно из проявлений культуры, хорошего воспитания. ФЕ рекомендуют уделять больше внимания слушанию, нежели

говорению, устанавливая тем самым некоторый «перевес» в значимости коммуникативного поведения слушающего над говорящим: *Не торопись отвечать, торопись слушать; Поменьше говори, побольше услышишь.* В паремиях зафиксирована полезность слушания: *Кто говорит, тот сеет; кто слушает – собирает (пожинает); Кто слушает, тот и скушает* – и осуждается невнимательный слушатель: *Он только краем уха слушает; В одно ухо слушает, в другое выпускает.*

Максима слушания передаётся в ФЕ через телесные метафоры – образы языка и ушей, которые характеризуют говорение и слушание. Два уха даны, чтобы побольше слушать, а рот один, чтобы его пореже открывать: *Бог дал два уха, а язык один.* ФЕ советуют слушающему вовремя быть готовым к ответной реакции: *На всякий спрос – ответ; Слово к ответу, а хлеб к обеду.*

Слушающий, следуя максиме адекватной оценки, должен дать правильную оценку полученной информации (*Всякого слушай, а верь не всякому; Людских речей не переслушать*) и объективно, без предвзятости оценить говорящего (*И глупый ино молвит слово в лад; Не гляди, каков в плечах – слушай, каков в речах; На ласковое слово не поддайся, а на грубое не гневайся*). Максима оценки предупреждает, что слушающему следует быть снисходительным к ошибкам говорящего: *Говорящий много часто ошибается; Ино за неволю слово молвится.*

Зафиксированное в идиоматике отношение языкового коллектива к речевой деятельности является противоречивым. Для гармонизации общения и нейтрализации конфликта русские фразеологизмы, с одной стороны, предписывают прибегать к разумной шутке, похвале, но, с другой стороны, осуждают неуважительную шутку и угодливое восхваление. В некоторых фразеологизмах содержится рекомендация на обязательность выполнения действия, а в других эта обязательность отсутствует. Вариативность правил помогает говорящему и слушающему сделать правильный выбор, соответствующий коммуникативной ситуации. Для традиций национального общения важно «чувство меры».

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** обобщаются результаты исследования, намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Коммуникативная культура в целом основана на общих для всего цивилизованного человечества категориях риторики и прагматики. Поэтому нормативная составляющая коммуникативного поведения, зафиксированная во фразеологии, охватывает универсальные качества речи и общепринятые максимы коммуникативного поведения.

Вместе с тем анализ фразеологических единиц показал, что существуют национальные различия в обыденном представлении о правилах коммуникативного поведения. В частности, разную значимость имеют качества хорошей речи. В русской фразеологии отмечены качества правильности и

логичности, но они не зафиксированы во фразеологии китайского языка. Национальная специфика русского коммуникативного поведения отмечена максимумом искренности, которая не представлена в постулатах П. Грайса, Р. Лакоффа, Дж. Лича. Этот факт служит подтверждением стереотипа об особой искренности коммуникативного поведения русского народа.

В русской фразеологии находит выражение характеристика гендерных особенностей коммуникативного поведения. Например, чрезмерная болтливость присуща чаще всего женщинам (*У бабы волос длинный, а язык ещё длинней; Не ждет баба спроса, сама все скажет*). В ФЕ противопоставляется женская болтливость и мужская сдержанность (*Курица гогочет, а петух молчит*). Женщина не контролирует себя в речи, она предпочитает браниться (*Бабы бранятся, так платки с голов валяются*). За женской лестью часто скрывается опасность (*Женская лесть без зубов, а с костями сгложет*). Русской фразеологической системе свойственна высокая степень стереотипизации женского коммуникативного поведения.

Фразеология утверждает преимущество языка перед невербальным общением, однако многие фразеологизмы характеризуют и невербальные нормы поведения, принятые в русской культуре. Например, уважительные позы (*Бить поклон; Поклониться – всегда пригодится*), жесты для выражения одобрения (*Гладить по головке*), жесты, гармонизирующие общение (*Протянуть руку; С распростертыми объятиями*), уместное молчание (*Лучше молчать, чем пустое врать*). Другие ФЕ утверждают нормы невербального поведения через запрет: запрещение оскорбляющих действий или мимики (*Повернуться спиной; Показывать язык*), запрещение недоброжелательных взглядов (*Бирюком смотрит*), запрещение драки (*Распускать руки; Рукам золи не давай*) и т. п.

Национальное своеобразие отмечается в отношении улыбки. В китайской культуре улыбка служит выражением доброжелательности и благожелательности (*笑脸聚得天边客 – досл. “Улыбающееся лицо привлекает гостей на краю света”*), ее роль чрезвычайно велика, и улыбка необходима даже в сфере бизнеса (*人无笑脸休开店 – досл. “Человек без улыбки на лице не должен открывать магазин”*). Улыбка для русских – это всегда признак личной симпатии, русская улыбка должна иметь полновесный повод для улыбающегося и быть только искренней. Поэтому в русской языковой традиции улыбка (и особенно смех) нередко получает отрицательную или ироническую оценку (*Набьет и улыбка оскомину; Смех без причины – признак дурачины*).

Во фразеологизмах через образы и культурные коды проявляется связь наивных представлений о коммуникации с культурно-национальными стереотипами, эталонами и символами.

В русской фразеологической системе представлен преимущественно телесный (соматический) код, а образами для описания речевого поведения в ФЕ служат универсальные объекты живого и не живого мира. Так, и в русской, и в китайской фразеологии, активно используются *собака, конь, воробей, волна, дождь, ветер, золото, меч, нож, мед* и т. п. Однако именно метафорические номинации позволяют увидеть национальные особенности и культурные ценности разных народов. Например, в русском языке для характеристики коммуникативного поведения используются специфические предметы крестьянского быта (*мельница, помело, жёрнов, решето, веревочка, цепь* и т. п.), национальная пища (*пирог, пирожок*), оружие (*стрела, копье* и т. п.), птицы (*сорока, соловей, ласточка, ворона, петух, курица* и т. п.), натурфакты (*туман, тень, волна, огонь, смола* и т. п.) и др. В китайском языке используются те же культурные коды, но представлены другие животные (*утка, черепаха*) и растения (*лотос, цветок, дерево, зимняя тыква*), иные природные явления (*ветер, океан, небо, зима, камень, вода, река, мороз*), предметы (*кувшин, холст, шёлк*) и др.

Таким образом, во фразеологии представлены этнокультурные стереотипы, которые регулируют коммуникативное поведение людей, задают этические нормы. Фразеологические единицы, характеризующие коммуникативное поведение, подсказывают, как вести себя в той или иной ситуации и как нельзя делать; учат быть вежливыми, искренними, дружелюбными.

Нормативная составляющая коммуникативного поведения, отражающая традиционные представления русских, остается релевантной до настоящего времени. Однако в реальной жизни коммуникативное поведение современного поколения отличается от народных ценностей общения. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении данных изменений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 содержит список русских фразеологических единиц со значением «коммуникативное поведение». В **ПРИЛОЖЕНИЕ 2** включены китайские фразеологические единицы, характеризующие коммуникативное поведение.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Ли Вэньлу. Коммуникативные ценности гармоничного общения (по данным русской и китайской фразеологии) / Ли Вэньлу // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 151–163. (0.77 п. л.)

2. Ли Вэньлу. Молчание в русской и китайской фразеологических картинах мира / Ли Вэньлу // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (60). – С. 182–186. (0.55 п. л.)

3. Ли Вэньлу. Метафора в русских и китайских фразеологизмах со значением «внешность человека» / Ли Вэньлу, О. А. Михайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5 (59) : в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 117–120. (0.56 п. л. / 0.28 п. л.)

Другие публикации:

4. Ли Вэньлу. Максимумы и правила коммуникативного поведения в зеркале русской фразеологии / Ли Вэньлу // Молодые голоса : сб. тр. – Вып. 6. – Екатеринбург : Ажур, 2017. – С. 84–88. (0.2 п. л.)

5. Ли Вэньлу. Ценностные черты внешности человека в русской и китайской фразеологических картинах мира / Ли Вэньлу // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство : Межвуз. сб. – Вып. VIII. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. – С. 212–215. (0.2 п. л.)

6. Ли Вэньлу. Словоохотливость в зеркале фразеологии (лингвоаксиологический аспект) / Ли Вэньлу // Тез. докл. второго Междунар. науч. семинара : аксиологические аспекты современных лингвистических исследований (11-12 мая 2017 г.). – Екатеринбург : Ажур, 2017. – С. 24–25. (0.1 п. л.)

7. Ли Вэньлу. Национально-семантические особенности “улыбки” в русской и китайской фразеологиях / Ли Вэньлу // Язык, культура, менталитет : проблемы изучения в иностранной аудитории : дополнения к сб. науч. ст. участников XVI Междунар. науч.-практической конф. (19–21 апреля 2017 г.). – Санкт-Петербург : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2017. – С. 7–10. (0.2 п. л.)

8. Ли Вэньлу. Молчание в русской и китайской лингвокультурах по данным фразеологии / Ли Вэньлу // Мат-лы I-й Междунар. заочной науч.-практической конф. молодых ученых : «Язык. Коммуникация. Культура» (20 апреля 2017 г.). – Москва : Гос ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2017. Электр. – Режим доступа : http://www.pushkin.institute/science/konferencii/konferenciya_1cc/uchastniki.php?sphrase_id=44133. (0.2 п. л.)

9. Ли Вэньлу. Улыбка в зеркале русской и китайской фразеологии / Ли Вэньлу // Мат-лы XIV Студенческой науч.-практической конф. : «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (14 апреля 2017 г.). – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 2017. – С. 19–21. (0.1 п. л.)

10. Ли Вэньлу. Сопоставительно-семантический анализ “молчания” в русской и китайской фразеологии / Ли Вэньлу // Мат-лы VI Междунар. науч.-практической интернет-конф. : «Книжное дело : достижения, проблемы, перспективы» (05 апреля по 05 мая 2017 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2017. Электр. – Режим доступа : <http://urfu.ru/ru/science/konferencii/internet->

konferencii/materialy-konferencii-knizhnoe-delo-dostizhenija-problemy-perspektivy.
(0.2 п. л.)

11. Ли Вэньлу. Устойчивые сравнительные обороты со значением «характеристика глаз человека» в русском и китайском языках / Ли Вэньлу // Молодые голоса : сб. тр. – Екатеринбург : Ажур, 2016. – С. 35–40. (0.3 п. л.)

12. Ли Вэньлу. Ценностный аспект улыбки (на материале русских и китайских фразеологизмов) / Ли Вэньлу // Тез. докл. науч. семинара с Междунар. участием : аксиологические аспекты современных лингвистических исследований (12-13 мая 2016 г.). – Екатеринбург : Ажур, 2016. – С. 28–29. (0.1 п. л.)

13. Ли Вэньлу. Концептуальные метафоры в русских и китайских фразеологизмах, характеризующих внешность человека / Ли Вэньлу // Культура, образование, воспитание в контексте федеральных государственных образовательных стандартов : мат-лы Всерос. науч.-практической конф. с Междунар. участием (14-15 апреля 2016 г.). – Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «РИО», 2016. – С. 160–162. (0.2 п. л.)

14. Ли Вэньлу. Национально-семантические особенности русских и китайских фразеологизмов со значением «внешний образ человека» / Ли Вэньлу // Мат-лы Междунар. науч.-практической интернет-конф. : «Русский язык : человек, культура, коммуникация – V». – Екатеринбург: УрФУ, 2016. Электр. – Режим доступа : <http://urfu.ru/ru/science/konferencii/internet-konferencii/russkii-jazyk-chelovek-kultura-kommunikacija-iv/> (0.3 п. л.)

15. Ли Вэньлу. Концептуальные метафоры с общим значением «внешний облик человека» (На материале русских и китайских фразеологизмов) / Ли Вэньлу // Мат-лы XXIII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (11–15 апреля 2016 г.). – Москва : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2016. Электр (в диске). (0.3 п. л.)

